

Лит. газета, 1987 - 28 янв. - с. 6.

К 90-летию со дня рождения Валентина КАТАЕВА

Встречи с мастером

ДИАПАЗОН творческих поисков Валентина Петровича Катаева всегда был широк. Постоянно экспериментируя, изменяя и обогащая форму повествования, художник стремился в реалиях повседневной жизни отразить своеобразие, неповторимость нашего времени. Вехами на его пути в предвоенные и первые послевоенные годы стали роман-хроника «Время, вперед!», повести «Белеет парус одинокий», «Я сын трудового народа». «Катакомбы»...

Завершающие десятилетия творческой деятельности Катаева, его «новая проза» — это период напряженных идейно-эстетических исканий художника, в основе которых стремление раскрыть для себя еще неиспробованные, неизведанные возможности образного повествования, жажда сломать привычные литературные рамки. Писатель настойчиво искал новаторских путей, размышляя о судьбах прозы в своих произведениях 60-х годов и более поздних, а также в статьях, выступлениях да и просто в беседах, споря и делясь наблюдениями, мыслями, творческим опытом. Кое-что из этих высказываний сохранилось в моих записях того времени.

Новаторство в литературе для Валентина Петровича Катаева было неотделимо от новизны самих жизненных процессов. Писатель убежденно говорил:

— Совершенно невозможно дальнейшее продолжение так называемой «классической»... Изменился ритм жизни, иное качество движения, иное пространство. Землю облетели, увидели сверху — маленькая голубая планета. А пишут в прозе так, как будто вокруг ничего не изменилось.

Да, надо менять форму... Палитра сознания складывается из всего, что стало реальностью времени: наука, Павлов, космос и кибернетика, атомная эра... Впечатления из жизни и... мир человеческой мысли, фантазии. Многие считают, что этого человека сегодняшнего, вбирающего влияние всех сфер жизни, — его как бы и нету. А он есть.

— Нам ничего не надо искать, все лежит вокруг, неиспользованные темы, ситуации. Последнее время мы лучше стали видеть вокруг себя. Направили общественное зрение вперед. Но многие из нас все еще повернуты назад. И тем, кто читает и редактирует, надо это знать... Еще должен быть прорыв вперед... Иначе — никаких открытий.

— Писать надо из материала всего моего внутреннего мира, мира современника, из всего, что в него сегодня вошло. А это значит — из всего богатства материи, материального мира, с изменившимися понятиями времени, движения, пространства. Новое определилось как абсолютная реальность.

Теперь я пишу свободно, не сдерживая себя.

(Запись 23 июня 1962 г.)

Классичность, однако, Валентин Петрович полностью отнюдь не отвергал. Каждая эпоха, считал он, имеет свою форму «классичности», важно лишь не заимствовать чужой, не скатываться к подражанию, к повторению пройденного.

— Мне страшно не нравится подделка под литературу... Стилизация под большую литературу, начиная от почерка, манеры... Стремятся писать «как в лучших домах»... — иронично говорил В. П. Катаев.

(Запись 27 июня 1948 г.)

Вспоминая позже об одесской группе писателей, из которой он и сам вышел, о юношеском западе их эстетических экспериментов, Катаев подчеркивал:

— Вся южная школа увлекалась формальными поисками... Верно, это подчас вело к ужасной путанице, неразберихе, надо было после расчищать себе путь.

Потом приходили к классической форме, но не той «классической», что заимствована у классиков, а своей — к ясной простоте, выстраданной.

Читаю «Известия» в 20-х годах, прямо на улице, ветер свистит, дует. Стихотворение Маяковского... Помните? «Язык мой гол»...

Это простота очень маяковская — не Некрасова, не Тютчева. Простота своя... Маяковский прорвался к ней сквозь словесную руду. Простота должна быть не заемная, не такая, которую взял у другого. А ведь и классики были и просты — по своему, но и сложны...

Все у художника должно быть своим. В прозе вот, я убедился, не менее чем в стихе важен РИТМ. И у каждого он свой собственный. Тургенев и Чехов — это разные музыкальные вещи. Работаю над текстом, ищу свое. Вношу то или иное слово, фразу — ритм изменяется. Как этим управлять? Как это происходит? Есть над чем задуматься.

(Запись 13 апреля 1962 г.)

Современники писателя, среди них и те, кто многие годы работал в «Юности» рядом с В. П. Катаевым, главным редактором этого журнала, дружно вспоминают: «Он всегда был в поисках нового».

Решая практические вопросы редакционной жизни — оформления журнала, направленности разных его отделов и т. д., Катаев неизменно исходил из своего понимания литературного новаторства как раскрытия новизны самой жизни. «По его заданиям, — рассказывают сотрудники «Юности», — следовало искать проявления нового во всем простом и обыденном. «Большое в малом» — особая рубрика была даже задумана. Валентин Петрович ценил, когда мы, молодые, умели найти, уловить в мелочах повседневности приметы нового, черты нового человеческого характера» (запись в редакции журнала «Юность» 2 июля 1962 г.).

Соратники Катаева, писатели, работавшие рядом с ним, с живым интересом следили за выходом тех его повестей, которые художник сам определил как свою «новую прозу». Напряженный лиризм этих произведений, подчеркнутая ассоциативность поэтического мышления, смещение и переплетение разных временных планов повествования, метафоричность детали и стремление к «выстраданной простоте», ясности — все это и увлекало, и вызвало споры, заставляло размышлять над тем, какими путями суждено дальше развиваться современной прозе.

Характерно в этом плане письмо Корнея Чуковского о катаевской повести «Кубик», вышедшей в февральском номере журнала «Новый мир» за 1969 год.

«Дорогой Валентин Петрович, простите, что задержал Вашу книгу.

Есть люди, для коих «Кубик» мозаика самодовлеющих образов. Для меня это вещь монолитная, в ней каждая строка подчинена одной лирической теме. Ирумынский крестьянин, — и парижская свадьба, — и брамбахер, — и мовизм, — и бабочка, — и оса, — и Ландау, — и Капица, — и Осиш, — и Скрябин, — и Гёте, — и «эта штука» — Мальчик и Девочка, — и их монгольфьер для меня крепко спаяны в единое целое, — хотя и без этого они превосходны. Мопассановская новелла и одесские главы — чистейшая классика. У «Кубика», как и полагается новаторской вещи, есть множество ярых врагов (особенно среди провинциалов)¹. Признавая высокое качество отдельных страниц, они свирепо воз-

ражают против образов, которые «ничему не учат и никуда не ведут». Этим сектантам я напоминаю, что некий Чуковский сказал в своей книжке «О Чехове»:

«Всякий художественный образ, впервые подмеченный, свежий, есть благоденствие сам по себе, ибо своей новизной разрушает дотла наше инертное, тусклое, закостенелое, привычное восприятие жизни»...

Вся вещь так виртуозно пластична, что после нее всякая (даже добротная) современная проза кажется бревенчатой, громоздкой, многословной и немощной.

Словом, недаром у Вас на воротах плантерка².

Ваш Корней Чуковский

Есть у меня, конечно, кое-какие крохотные возражения, но они продиктованы пристрастной любовью — и о них когда-нибудь при встрече.

Привет Эстер Давыдовне³.

17.VI.69.

Письмо Корнея Ивановича Чуковского лежало на письменном столе.

— Его надо напечатать, — не удержавшись, сказал собеседник, но Валентин Петрович тотчас же возразил:

— Нет, нет, нет... Не сейчас... Потом когда-нибудь... — И заодно добавил: — Из архива...

Письмо это не ушло в архив, оно отражало живые связи современников: их споры, взаимные оценки, осмысление сделанного и достигнутого товарищами по цеху — такими разными, несхожими, но верными писательскому долгу.

Служение литературе видел Валентин Катаев в постоянном совершенствовании мастерства. А сюда он включал не только красоту формы, но и точность познания новизны жизни. Эти две стороны творческого процесса были для него неразделимы, о чем и говорил писатель на встрече с молодыми критиками весной 1962 года. В Катаев особо подчеркивал, что истинному таланту «необходимы открытия».

— Да, трудно описать то, что случилось впервые. Бежал человек, лег с винтовкой на улице и стал стрелять. Это описать трудно, раньше на улицах не стреляли. Ходили на службу, играли дети, ездили конки. Легче писать то, что уже было. Получается гладко, нравится.

Я люблю ощущение трудности, — признавался писатель.

(Запись 13 апреля 1962 г.)

Истинному художнику, уверен Валентин Катаев, дорого ощущение новизны времени, событий, человеческих характеров. Именно отсюда трудно и радостно возникает своеобразие создаваемого произведения, его образной ткани, внутренних ритмов, сила слова. Нельзя этого утерять писателю, здесь недопустимы никакие скидки, уступки.

Уроки замечательного художника слова, его искания созвучны нашему времени. Чем выше качество писательского труда, тем богаче духовное содержание нашей жизни: ведь истинный творец — это и очевидец, и активный участник событий своего времени, и провозвестник будущего. От этого долга лучшие наши писатели-современники никогда не уклонялись. И среди них на протяжении всего своего сложного творческого пути был Валентин Катаев.

Л. СКОРИНО

¹ Автор письма имел здесь в виду «провинциалов от литературы» (любимое его ироническое определение).

² Речь идет о номере дачи в Переделкине, где В. П. Катаев жил и работал в последние годы.

³ Эстер Давыдовна Катаева — жена писателя.

156